

ИЗ УЙГУРСКОЙ ПОЭЗИИ

Переводы Надежды Черновой

Абдурахим Ойкур

Мы были молоды, когда седлали лошадей.
Мы знали, долгим будет путь через пустыню дней.
Теперь вот внуки подросли – сидят они в седле.
Мы вышли. Мало было нас на горестной земле.
Теперь нас много. Головным наш караван идёт,
В пустыне оставляя след, что время не сотрёт.
И кровь, и битвы за спиной, пустыни и снега,
И перевалов горных цепь, где путь наш пролегал.
Бойцы, отважные как львы, вас ветер хоронил.
Остались там – и меток нет и не видать могил.
Кругом безлюдные края, пустыни без конца,
Но подвиг ваш не позабыт, и помнят вас сердца.
Легко найти вас, ведь в степи среди трав и среди песка
Цветущий красный тамариск видать издалека.
Он над могилами взошёл! Так пусть опять весна
Цветами усыпает степь, пусть празднует она!
В далёком прошлом, вдалеке, в преданиях седых
Стоянка наша, путь в горах и на песке следы.
И даже если ураган поднимется, пыля,
И с места сдвинутся пески, и вдаль уйдёт земля,
То и тогда буранный шквал не заметёт холмы,
Где мы прошли, где погребли своих героев мы.
Ослабли лошади в пути, хоть им привычен путь.
Уж больно долго караван идёт, стесняя грудь.
Но верю я, воспрянет род, из пепла он взойдёт!
Грядущий век – потомок наш по следу нас найдёт!

Измт Искандеров

НАЗУГУМ
(главы из поэмы)

1

Как описать мне Кетьменские горы,
Речек грохочущих дымный котёл?
С каменных пиков открыты просторы
Целой вселенной – там кружит орёл.

В пёстром халате из перьев блестящих,
Ханом царит над вершинами гор...
Прячутся лани в тенистые чащи,
Ходит медведь, охраняя свой бор.

Здесь, озираясь пугливо, по скалам
Скачет козёл и трясёт бородой.
Вольно бродить здесь прекрасным
маралам –
Взгляд их сравним с родниковой водой,
Только полны эти очи печали...
Солнце качают маральи рога.
Сокол гнездится в камнях.

Закричали

Грозно тулпары, ступая в снега.

Шествует важно к ущелью по склонам
Диких архаров большая семья –
Летом долины в убранстве зелёном,
Много здесь трав и корней, и былья.

Талой водой напитавшись весною,
Эти ущелья цветут до зимы.
Горы пропахли целебной смолою,
Душу врачуют луга и холмы.

Горы Кетьменские, горы Шункара –
Кров моих предков с далёких веков!
Здесь я рождён, здесь
под сенью мазара
Веки землёю засыпать готов.

Вы вдохновенье мне дарите ныне,
Радость глазам и опору в пути.

Но если глянуть в историю – стынет
Сердце в груди и от слёз не уйти.

Где ты, Назук? Почему мы
расстались?

Голос твой дерзкий навеки затих,
Только следы твоих ножек босых
Здесь,
на вершинах зелёных остались...

2

Страшна тиранам всякая свобода –
И схвачена мятежница врагом...
Вода сочится с каменного свода,
Белеет плесень – ни души кругом.

Нет из темницы выхода, и бьётся,
И плачет сердце птахой в силках.
Из тёмного тюремного колодца
Глядит Назук на небо в облаках,
На дальнюю Кашгарскую дорогу...
Грохочут цепи на её ногах,
В оковах руки – страх ползёт к порогу,
И по углам гнездится чёрный страх.

Но, нет, Назук не испугалась плена,
Хотя дарин* по прихоти мгновений
Желал её и милость слал свою,
Да был отвергнут!

Закипает пена

Молочной водки и теснит бадью.
Уже лохматых коз под нож пустили,
Уже и гости потянулись в круг –
Такая пытка пострашней насилий:
Солану** в жёны отдадут Назук!

3

Где ты, Баки, где любимый,
ответь мне?

Пыль на Кашгарской дороге от ветра –
Что же не скачет Баки на коне?
Снова глядит, заслоняясь от солнца,
Узница в пыльную шёлку оконца –
Ждёт она милого днём и во сне.

Мукой изранено сердце девичье,
Мечется, бедное, в клетке по-птичьи –

Сломаны крылья у вольной мечты.
Где ты, Баки? Где, скажи? Неужели
Стоны Назук долететь не сумели
К сердцу родному – безмолвствуешь ты...

Нет, он примчится и снимет оковы –
Знает Назук его с детства такого,
Пленницу вырвет из вражеских рук.
Крепко обнимет любимый подругу,
Станут опорой отныне друг другу –
Смелый Баки, молодая Назук.

А если вдруг, призывая подмогу,
Глядя, не скачет ли всадник к острогу,
Гибель готовит она для Баки?
Мечется, стонет Назук то и дело,
Розой увядшей лицо потускнело,
Стала старухой она от тоски...

4

Если от горя любимая плачет –
Сердце Баки содрогнётся до дна...
Вот он уже между скалами скачет,
Гонит всюю своего скакуна.

Мимо летят кишлаки и аулы,
Но не сойдёт он с коня отдохнуть.
Яростью сводятся острые скулы,
Гнев обжигает могучую грудь.

Если возлюбленной плохо, ему ли
Остерегаться в дороге врага?
Вот он уже в ненавистном Сумуле,
Вот уж задушен тюремный слуга –
В воду столкнуть его!

Больше ни звука.

Спят горожане. Беззвёздная ночь
Стала помощницей.

Радость и мука

В сердце смешались –

сдержаться невмочь!

Настежь раскрыты тюремные двери –
Двое влюблённых обнялись опять,
Но обниматься не время теперь им –
Надо коня поскорее седлать!

Мимо ворот, мимо спящих соланов,
Мимо сумульских зловещих дворов
Мчатся они – там, за далью курганов,
Будет спасенье и дружеский кров.

Но поднялась им вдогонку погоня,
Эхом катился и множился гул –
Так, нарастая, грохочет и стонет
Битва ночная – проснулся Сумул!

Ветром несётся скакун, но быстрее
Новое солнце над степью встаёт.
Свищут над ухом калёные стрелы –
Кровью багряной окрашен восход.

«Серый мой конь, ты, как друг,
был надёжен,
Стань и сегодня подмогою нам!» –
Молит Баки, и впервые, быть может,
Плетью прошёлся по мокрым бокам.

Вынес их конь из опасного боя.
В отблесках солнца светлеет Или,
Дарит влюблённым минуты покоя,
Будто они не от смерти ушли.

Только – не время! Опять им –
не время!
Плот скорodelьный уносит Назук.
Встретит Баки кровожадное племя.
Ждёт он его,
натянувши свой лук.

Дрогнули степи, и кони заржали,
Копья уткнулись в разбитый песок.
Много убито врагов, но едва ли
Всех одолеть в одиночку он мог..

5

Колыбельная матери

Спи, моя козочка, спи, моя доченька,
Спи, до утра отдохай.
Тихо в горах. Когда кончится ноченька,
Будет с лепёшками чай.
Если ты любишь – скажи только,
милая! –

Не строк биенье, не краса цветов
Перед тобой, а головы врагов.

Немало полегло их средь полей
От рук твоих, от храбрости твоей.

Не плачь и не печалься, соловей,
И золотой цветок, не увядай!
Любовь и счастье к родине моей
Найдут дорогу, озарят мой край!

МУЗЫКА СЕРДЦА

Поэзия – музыка сердца,
Поэзия – с гор ветерок.
Не знаю богатства бесценней,
Чем прелесть прекраснейших строк.

Всесильно хорошее Слово –
Поддержит оно и спасет.
Пишу я и думаю снова
О судьбах твоих, мой народ!

В душе моей солнце восстало,
Чтоб стало уйгурам светлей,
И маками вспыхнули ало
Созвучья в тетради моей.

Сквозь сердце пропущены строчки.
Плыву, как по волнам морей –
Нет сна вдохновенью!
До точки
Я буду, народ мой, твоей!

Узгур

СПОР О МУДРЕЦЕ

Забытый всеми, нищетой гоним,
Нашёл приют мудрец под грубым
камнем.
Прошли века неспешные над ним –
И как звезда, возшёл он над веками.

Не терпящий при жизни суеты,
Он стал добычей суетливой славы:
Несут к могиле пышные цветы,
Повытоптав вокруг седые травы.

То – возвышая, то – стирая в пыль,
В наследника наследник
пальцем тычет, –
Так стая птиц, упавшая в полынь,
Ведёт делёжку даровой добычи.

Один считает горцем мудреца,
Другой в долинах ищет его семя,
А третий, как собака у крыльца,
Облаивает путаное время.

Когтят и рвут на части бедный прах,
До хрипоты гордясь своим уловом.
И зазвенело эхо в небесах –
То поднялась История сурово:

«Оставьте мёртвых. Неделима смерть.
Скиталец вечный, вдалеке от дома,
Забытый веком, потрясавший твердь
Высокой мыслью, как разрядом грома,
Он с теми, кто делил его печаль,
Кто был унижен, кто всю жизнь
скитался.

Родной земли бессмертная печать
Была на всём, к чему он прикасался.
Он только ей одной принадлежит.
Её слеза горит в сухом граните.
Что сотрясать кладбищенский гранит? –
Вы мудрецов живущих берегите!»

БАЛЛАДА О МАТЕРИ

Война убитых сеет по полям,
Не встанет жизнь из этого посева.
Лишь черепа под долгий птичий гам
Родит в мученьях земляное чрево.

Согнулись травы женщиной седой,
По-вдовьи плачут траурные реки,
И горный пик над горною грядой
Глядит, как смерть слепит убитым веки.

И вышла мать в печальные поля,
И свет не слышал голоса суровой —
Её словам откликнулась Земля,
Тяжёлая от человечьей крови.

Замолк огонь, и хоть ещё стрелки
Ползли, в плену жестокого разгула,
Но вхолостую щёлкали курки,
Но тишиной выстреливали дула.

А мать, горя, обходила дол,
И наклонялась, и рукой горячей
То подбородок гладила худой,
То прикрывала взгляд, уже незрячий,
То убирала волосы со лба —
И тихо слёзы капали на лица...
Посторонилась чёрная судьба,
Взлетела тяжко кровожадной птицей.

Превозмогая каменный покой,
Открыл солдат обугленные веки.
Как в детстве, «мама»
 прошентал герой —
И встали все, убитые навеки.

А мать к бойцу ступала от бойца —
И в прах стальные дула рассыпала.
И свет струился от её лица,
И над землёю солнце оживало.

И ненависть в любовь переросла,
И этот свет сиял над бездной зла!

Савутжан Маматкулов

МЯРЯМХАНЫЧ

Школа...
Посёлок...
Туман...
Дождик дороги расквасил...
Нет континентов и стран —
Мир умещается в классе.

Смотрит учитель во двор,
Морщится молча от боли:

Ноет нога до сих пор,
Та, что оставил он в поле,
В битве за Волгу, за нас...
Скрипнули двери.

 В треухе,
Боком протиснулся в класс
Мальчик, худой с голодухи.

Бледные щёки, глаза
Были огромны, как ямы,
В них трепетала слеза —
Плакали часто тогда мы...

— Как тебя звать? Проходи! —
Наш мугалим его встретил.
Книжки прижавши к груди,
Мальчик без страха ответил:

— Кто я? Камаев Турсун,
Сын Мярямхан, Мярямханыч! —
Прыснули мы: вот шалун,
Выдал себя с потрохами!
Мать перепутал с отцом,
Хвастает этим, глядите!
Только назвал молодцом
Путаника учитель.

Пять он поставил ему.
Мы удивлённо притихли.
Пасмурно...
Пашни в дыму...
Свищут холодные вихри...

Детство я вижу.
Война.
Вдовы кричат по деревне.
Холод.
От стужи черна,
Стала земля, будто кремний.

Мёрзнут ладони, но мы
Ищем под снегом зимы
От кукурузы початки,
Что так желанны и сладки.

Ждём новостей каждый миг —
Радио щёлкает глухо.

Смотрит дитя, как старик,
Плачет ребёнком старуха.

Суп из одной лебеды –
Хлеб лишь во сне мы вкушали,
Но среди этой беды
Матери нас утешали.

И приласкают они,
И погрустят вместе с нами,
В доме и в поле одни,
Ставшие мужиками.

Из пустяка, из трухи
Лепят лепёшки, бывало.
Пламя на лицах сухих
Заревом дальним пылало.

Мы не дождались отцов –
Спят они в братской могиле.
Много промчалось годов,
Много очей мы закрыли,
Много воды утекло...
Только я вижу так ясно:
Дождь барабанит в стекло.
Холодно в комнате классной.

Воин скрипит костылём.
Воин тот стал мугалимом.
Френч офицерский на нём,
Всё ещё пахнувший дымом.

Он преподавал нам урок
Просто и откровенно.
Я эту мудрость сберёг:
Матери имя – священно!

КАДАКЧИ

Чашки, чайники лечи,
Редкий мастер кадакчи!
Из осколков, из обломков,
Под весёлый разговор,
Пиалу он скрепит ловко,
Отряхнув гончарный сор.

Лишь появится в селе –
Превратится в праздник вечер.
Трещин нет на пиале? –
Всё равно бегут навстречу!

Что там глиняный кувшин,
Нам знакомый с малолетства?
Надо пыль стряхнуть с души,
Подышать мгновеньем детства.

Ясный взгляд, беззлобный смех
И открытость в каждом слове.
Кадакчи уважит всех,
С мудрой шуткой наготове.

По дороге, вдоль села
Все бегут, дела бросая.
Легче белого крыла,
Закружилась пыль косая.

Словно ласточки, гурьбой
Дети лепятся, бывало,
На чинаре вековой,
На облупленных дувалах.

Разнаряжены, спешат
И старухи, и девчонки,
Как сияет каждый взгляд
Из-под шали, из-под чёлки!

Поклонятся, смущены,
Вынут в трещинах посуду –
С белым отблеском луны,
С травкой, вьющейся по блюду.

Инструмент в руках, звучи -
Надо крылья инструменту!
Выкликает кадакчи
То загадку, то легенду.

И вплетаются в рассказ
Поздний час, кошачий глаз
И апкур – большая чаша,
Что расколота как раз –
Вот и плачет бабка наша.

Пролетит счастливый миг,
 Пыль дорожная откурит.
 Скоро выйдет лунный лик,
 Заиграет на апкуре.

Пусть разбитая душа,
 Терпеливо, по крупицам,
 Словно чаша – хороша,
 Под рукой творца родится!

Долго слышится в ночи:
 Плачет песенка газелья
 Музыканта-кадакчи,
 Что ушёл в разгар веселья.

И склоняясь над стихом,
 Вижу мастера седого.
 Я хочу, чтоб в каждый дом
 Кадакчѐй входило слово.

* Дарин – в Китае высший чин

** Солан – простой солдат из манчжур

*Подстрочные переводы
 Венеры Касымовой и Хамита Хамраева*

.....

 В январе 2016 года отмечают:

50-летие

Ермахан АБДИРАМАН, сатирик
Жанат АБДИРБЕККЫЗЫ, поэт

60-летие

Жамшитжан РАЗАХУНОВ, поэт

70-летие

Сагынтай БАЙДИЛЬДАЕВ, поэт
Жакау ДАУРЕНБЕКОВ, прозаик

80-летие

Султан ЖАНБОЛАТОВ, прозаик
Рахим БАЛАБИЕВ, поэт
Медеу САРСЕКЕ, прозаик

90-летие

Адибай ТАБЫЛДИЕВ, поэт

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

